

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

©2020 М.Ф. АЛЬБЕДИЛЬ, А.Э. ЖАБРЕВА

МОЛЧАЛИВЫЙ ДВОЙНИК ЧЕЛОВЕКА, ИЛИ КУКЛА В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Альбедиль Маргарита Федоровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.
Электронная почта: albedil@inbox.ru

Жабрева Анна Эрнестовна — кандидат педагогических наук, научный сотрудник, член Санкт-Петербургского союза художников. Библиотека Российской академии наук. Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 1.
Электронная почта: annazhabreva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена разностороннему феномену в истории культуры — кукле, которая воплощает в своем образе архетип двойничества. Данный архетип представлен в древних антропологических мифах практически у всех народов мира. Упомянутые мифы повествуют о том, как боги сначала делали кукол, а потом разными способами вдыхали в них жизнь, превращая в людей. Эта древняя мифологическая интуиция об оживлении мертвого подобия и о подвижности грани между мертвым и живым была позже продолжена в фольклоре, а также многократно напоминала о себе в разных сферах культуры, искусства и литературы. В большинстве магических практик куклам выпадала роль молчаливых, но действенных двойников человека; им приписывали как благотворное, так и вредоносное влияние. В современной культуре кукла утратила многие из своих сокровенных смыслов, но авторская

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

кукла их в известной степени сохраняет. Творец куклы действует как мифический демиург, из различных материалов создающий новое существо. Авторский замысел не всегда удастся воплотить в жизнь — скаывается магия куклы, воздействующая на своего творца. Принадлежит к «коренным понятиям» в системе культуры, кукла открывает простор для выражения самых разнообразных живых проблем современной жизни.

Ключевые слова: кукла, двойничество, мифология, демиург, традиционные культуры, магия, ритуал, авторская кукла.

Ссылка для цитирования: Альбедиль М.Ф., Жабрева А.Э. Молчаливый двойник человека, или Кукла в истории культуры // Человек. 2020. Т. 31, № 1. С. 155–184. DOI: 10.31857/S023620070008751-3

Мы — послушные куклы в руках у Творца!
Это сказано мною не ради словца.
Нас на сцене Всевышний на нитках ведет
И пихает в сундук, доведя до конца.

Омар Хайям [44, с. 67]

Куклы обычно ассоциируются с миром беззаботного детства и игровой стихией, когда возможны любые волшебные метаморфозы, граничащие с чудом. Кукла и есть для ребенка зримое и осязаемое воплощение ожидаемого чуда, именно она дарит ему ощущение беспредельных возможностей, помогающих творить свой собственный мир за пределами обыденности.

Но куклы остаются в нашей жизни и после того, как мы покидаем детство и последовательно проходим другие возрастные ступени жизни. Мы видим кукол в кукольных театрах, любим ими на выставках, дарим в качестве сувениров, рассматриваем в витринах магазинов (манекены — те же куклы). Ничто лучше кукол не воплощает в своем образе различные пластические изменения, поэтому кукол используют в детских садах для воспитания детей, приобщения их к родной культуре; куклы незаменимы в различных арт-технологиях, а куклотерапия успешно используется при лечении психических расстройств [9; 31]. Кукла многолика. В руках опытного педагога она ценное наглядное пособие для разнообразных познавательных целей [34; 39], для искусствоведа — выразительное художественное произведение, а для художника — воплощение авторского замысла и возможность самовыражения. Различные кукольные ипостаси в современной культуре можно перечислять долго: игрушка, модель, аллегория, произведение искусства, сувенир и т.п. [8; 15; 20; 30; 50; 52]. Наконец, это миниатюрный художественный, исторический или этнографический музей, отражающий бесконечное разнообразие нашего мира [1; 12; 13; 56].

М.Ф. Альбедиль,
А.Э. Жабрева
Молчаливый
двойник чело-
века, или Кук-
ла в истории
культуры

В.Г. Демьянов. Девочка с куклами. Деревня Дубынино, 1958. Из фондов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

В любом качестве куклы всегда походили на создавших их людей. Так было на протяжении всей истории человечества, которая по продолжительности примерно равна кукольной, и обе они всегда были тесно переплетены. Кукольный мир можно рассматривать как слепок с человеческого: например, многим известен кукольный городок «Mon Plaisir» («Мое удовольствие») в замке Аугустенбург (Арнштадт, Германия), насчитывающий 84 комнаты и 391 куклу каждая с восковой головкой, воспроизводит мир

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

Японские девушки с куклой. Вторая половина XIX века. Из фондов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

немецкой аристократии XVIII века [50]. Популярность «восковых персон», фактически копий человека в полный рост, в том же столетии была невероятной. В Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург) мы до сих пор можем видеть один из самых знаменитых примеров этого искусства — «восковую персону» императора Петра I. В XIX веке некоторые фабрики производили портретных кукол, похожих на известных людей: восковые «дети королевы Виктории», фарфоровая, бумажная «королева

Игра в карты. Сценка из экспозиции кукольного города «Mon Plaisir» («Мое удовольствие»). Арнштадт, начало XVIII века. Открытка (Берлин, 1983) из коллекции А.Э. Жабревой

Нидерландов Вильгельмина», «Bébé Olga» — великая княжна Ольга Николаевна [25]. Во второй половине XX века получило развитие удивительное явление — заказ копии своего ребенка в виде уникальной фарфоровой куклы [54].

Не только люди отражались в мире кукол, но и куклы влияли на жизнь людей. Так, модные куклы (часто называемые Пандорами), что появились приблизительно в конце XV века, сообщали своей счастливой обладательнице зарубежные новинки в области костюма. Сам французский король Франциск I обращался с просьбой к Изабелле д'Эсте прислать куклу в нарядах, которые носила эта известная красавица эпохи Возрождения. Король хотел изготовить подобные костюмы своим придворным дамам [49].

Самая знаменитая кукла XX века — Барби — оказала серьезное влияние не только на формирование нового эталона красоты, но и всего образа жизни. Эта кукла давно переросла рамки обычной детской игрушки и, по сути, превратилась в серьезный социально-культурный феномен: вокруг нее образовался плотный кокон из множества злободневных и совсем не детских тем — от глобализации и этнической идентификации до социализации личности и гендерного самоопределения. История куклы Барби неопровержимо подтверждает силу влияния кукольного мира на человеческий [23; 48; 55].

Французский историк детства М. Мансон в одной из своих работ подсчитал, что с 1860-х годов по 1982 год только на английском

М.Ф. Альбедиль,
А.Э. Жабрева
Молчаливый
двойник чело-
века, или Кук-
ла в истории
культуры

Меняя свои ипостаси, каждая из которых имеет собственную продолжительную летопись, кукла проживает рядом с человеком всю жизнь, храня память не только о сокровенном мире детства, но и напоминая о псевдожизни и двойничестве, поскольку она воплощает в своем образе устойчивый мифологический архетип, хранящийся как в некоторых пластах нашей культуры, так и в глубинах нашего подсознания. Пожалуй, выразительнее всего архетип этот отразился в магических и ритуальных практиках разных традиционных культур, а также в изготовлении авторских кукол. Об этом и пойдет речь в нашей статье.

Куклы настолько неотделимы от детства, что невозможно представить себе ребенка, не играющего в них. Думается, они не случайно завораживают малышей. Здесь уместно вспомнить биогенетический закон немецкого философа Э.Г. Геккеля [17], согласно которому каждый человек в своем индивидуальном развитии, то есть онтогенезе, как в сокращенном конспекте, проходит путь его предков (филогенез). Вследствие этого дети психологически намного ближе, нежели взрослые, к фольклорно-мифологическому, архаическому мировосприятию и потому способны так самозабвенно играть в кукол, говорить за них, двигаться вместе с ними, плакать и смеяться вместо них. Кукла для ребенка — вне всяких сомнений, живое, близкое и понятное существо. Так в детских играх оживают древние мифологические представления об оживлении/оживании мертвого подобия и превращении живого существа в неподвижный образ.

160

материалов, чаще всего лепили из глины или земли, а потом оживляли. Иными словами, боги сначала фактически делали кукол, которые были неживыми творениями, а потом разными способами вдыхали в них жизнь. Следовательно, согласно древним мифам, куклы и люди появились на земле одновременно, а в некоторых случаях куклы даже опередили людей.

В качестве примера можно привести древнекитайский миф о богине Нюйве. Имевшая облик полуженщины-полузмеи, она как-то раз присела на берегу реки, взяла горсть желтой глины, смочила ее водой и, глядя на свое отражение, вылепила фигурку маленькой девочки. Стоило богине поставить фигурку на землю, как та сразу же ожила, закричала и радостно запрыгала. Нюйва дала ей имя Жэнь, что по-китайски означает «человек». Богине понравилось лепить из глины маленьких человечков, и скоро она наделала их довольно много. Эти создания поначалу танцевали и прыгали вокруг Нюйвы, а потом разбежались в разные стороны [41, с. 256].

Сходные мифы о том, как боги из разных природных материалов лепили кукол, а те превращались в людей, встречаются у разных народов мира. Так, древние египтяне верили, что первых людей бог Хнум вылепил из глины на гончарном круге. В шумеро-аккадской мифологии Мардук, верховный бог Вавилонии, вместе с многомудрым богом Эа также лепил людей из глины, смешанной с кровью убитого им чудовища Кингу. А древнегреческий драматург и отец европейской трагедии Эсхил не сомневался в том, что самых первых греков вылепил из земли и воды Прометей, сын титана Иапета, двоюродного брата Зевса (первые греки были совершенно дикими, как и природа, среди которой они жили) [2, с. 191–192].

Едва ли имеет смысл множить подобные примеры (они встречаются довольно часто). Важнее отметить, что божества лепили первых людей-кукол по своим отражениям в воде и те становились их подобием. Куклы всегда походили на создававших их людей, менялись вместе с ними, носили такую же одежду и прически, «жили» рядом или вместе с людьми. Примечательно, что в мифах обских угров люди и куклы отождествлялись, а люди назывались «кукольнымицами». О переходе от мифологического времени к человеческому говорится так: «Настанет на свете кукольный век, настанет на свете кукольное время» [32, с. 118]. Исходный смысл и назначение кукол проясняет и их японское название — *нингё*, «образ человека» [57, с. 23].

Из вышесказанного следует, что мифологический антропогенез был неразрывно связан с куклогенезом и оба они были не чем иным, как результатом отражения божества в зеркале материи, дробления некоей сакральной субстанции или, иными словами,

М.Ф. Альбедиль,
А.Э. Жабрева
Молчаливый
двойник чело-
века, или Кук-
ла в истории
культуры

тиражированием божественного образа [57, с. 193]. Сначала этот образ неподвижен и мертв, как кукла, но потом оживает и начинает двигаться, как человек: живое вытесняет мертвое. Можно сказать, что кукла создавалась по образу и подобию человека так же, как и человек изначально был образом и подобием божества, — здесь и таятся истоки двойничества. Ребенок, играя с куклой,

неосознанно действует как мифологический демиург: он оживляет мертвое подобие и превращает его на время игры в живое существо.

Указанная древняя мифологическая интуиция об оживлении мертвого подобия и о подвижности грани между мертвым и живым оказалась очень стойкой, она была продолжена в фольклоре (сказки, легенды, былички) и позже многократно напоминала о себе в разных сферах культуры, искусства и литературы. Достаточно вспомнить Платона, уподоблявшего людей чудесным куклам богов: «Рассмотрим каждого из нас — одушевленное существо, как куклу, изготовленную богами: что бы ни побудило их на это — желание избавляться от нас или найти серьезное приложение своим силам, мы об этом никогда не узнаем правду» [35, с. 93].

В русской литературе кукольная проблематика встречается не только в сказках, адресованных детям (что вполне ожидаемо), но и в произведениях, написанных для взрослых. В качестве примера можно привести рассказ А. Погорельского «Пагубные последствия необузданного воображения» из цикла «Двойник, или Мои вечера в Малороссии», где юноша-герой влюбляется в девушку-куклу [36].

В XIX веке кукольную тему серьезно и интересно разрабатывал М.Е. Салтыков-Щедрин. Писатель показал ее многогранность и связь с глубинными смысловыми пластами культуры, а кукольная метафора стала одной из самых важных в его мировосприятии [6]. В своем произведении «Игрушечного дела людишки» Салтыков-Щедрин вопрошает: «Кто не согласится, что из всех тайн, раскрытие которых наиболее интересует человеческое существование, тайна куклы есть самая существенная, самая захватывающая?» [40, с. 100]. Вот как рассуждает герой сказки — игрушечных дел мастер: «Весь век промежду кукол живешь, все молчишь, все думаешь... Думаешь да думаешь — и вдруг, это, кукла перед тобой как живая стоит!» [там же, с. 81]. Здесь справедливо подмечено то неотразимое и пугающее присутствие, которое и в самом деле исходит от куклы, создавая иллюзию двойничества. Вероятно, поэтому игрушечных дел мастер убежден, что делает не кукол, а «настоящих деревянных человечков» [там же, с. 94] и весь мир в его глазах наполнен куклами. Мир людей и мир кукол не просто зеркально отражают друг друга, но и взаимно пересекаются, так что живые люди часто напоминают кукол, а сделанные ими куклы словно оживают. Кукла для Салтыкова-Щедрина, таким образом, актуализирует семантику границы между миром живого и мертвого.

Многие традиционные культуры унаследовали от мифологической архаики и длительное время сохраняли в разных сферах своего уклада представления о куклах как двойниках человека и о мистической связи кукол с иным миром.

М.Ф. Альбедиль,
А.Э. Жабрева
Молчаливый
двойник чело-
века, или Кук-
ла в истории
культуры

Кукла в магии и ритуальных практиках

Связанная с понятиями жизни и смерти, кукла всегда имела отношение к сокровенным тайнам человеческого существования и тому запредельному невыразимому миру, откуда, как считалось, можно было воздействовать на судьбу. Поэтому неудивительно, что магия куклы, как и разнообразные ритуалы с ее участием, с глубокой древности укоренилась в традиционных культурах разных народов. Кукла служила оберегом и талисманом в апотропейной практике; ее использовали колдуны и знахари, шаманы и маги. Многие поверья были связаны как с благотельной, так и с вредоносной ролью куклы в жизни людей. Верили, что с помощью куклы можно добиться благополучия и навлечь болезнь или беду, исцелить от болезни и отвести несчастье, навести порчу, приворожить любимого, избавиться от соперницы и т.п. В бытовой магии кукла на протяжении многих веков была практически незаменима, служа многогранным символическим образом, напоминающим о скрытых тайниках души. Общеизвестно, как в Средние века наносили порчу посредством восковой куклы — копии человека.

В большинстве магических практик кукле выпадала роль молчаливого, но, видимо, действенного двойника человека. Скажем, в пореформенной России в Костромской губернии совершали такой обряд: девушки мастерили из тряпок и хлопка фигурки солдатиков, изображающих парней, забираемых в рекруты. Каждую фигурку прикрепляли к наружной стене дома, иногда помещая рядом кукольную фигурку девушки. На Севере женщины делали кукол-двойников своих мужей, ушедших на службу или на войну; такая кукла становилась «хозяином дома», временно заменяя отсутствующего: ее угощали, развлекали, советовались с ней. Когда же настоящий хозяин возвращался, куклу сажали в игрушечную лодочку и пускали вниз по реке [21, с. 201].

Кукла активно «участвовала» в свадебной магии. У многих народов был принят обычай сажать мальчика или вместо него куклу на колени новобрачной, чтобы та рожала мальчиков, продолжателей рода [18, с. 174]. Куклу как символ продолжения рода подкладывали под матрас молодоженам. Магическое изображение двух кукол, нежно обнимающих друг друга, должно было обеспечить любовь и согласие молодоженов [там же, с. 183]. Подобных примеров множество.

Причастность куклы к мифологеме судьбы и теме двойничества, пожалуй, наиболее отчетливо проявляется в магических практиках, связанных с деторождением и периодом детства, когда ребенок считается особенно уязвимым и подверженным влиянию злонамеренных сил. Так, этнограф и писатель В.Г. Богораз-Тан,

описывая чукотских кукол, отмечал, что они расцениваются не только как игрушки, но и как покровительницы женского плодородия. Выходя замуж, женщина уносит с собой своих кукол и прячет их в изголовье супружеского ложа, надеясь поскорее обрести потомство. Отдавать этих кукол никому нельзя из страха остаться без детей. Когда же у матери родятся дочери, она отдает им играть свои куклы, при этом стараясь разделить их поровну между всеми девочками. Если кукла одна, то она достается старшей дочери, а для остальных делают новых кукол. Некоторые куклы переходят от матери к дочери в течение нескольких поколений как залог благополучного деторождения в будущем [5, с. 49].

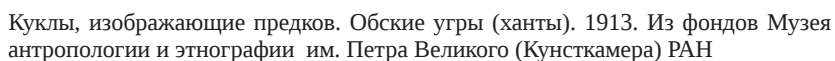
Китайские крестьяне, у которых рождался ребенок, покупали куколку, писали на ней имя новорожденного, и куклолка становилась его ритуальным двойником. Такую куколку ставили на алтарь, когда поклонялись богиням-покровительницам детей и в ряде других случаев. Если ребенок умирал до достижения им совершеннолетия, то куклу хоронили вместе с ним [19, с. 91].

Воспоминания о подобных магических куклах-помощниках сохранились в сказках у разных народов мира. Так, в сказке «Василиса Прекрасная» умирающая мать оставляет дочери как бесценное сокровище не что-нибудь, а куклу: «Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала: “Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай, а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета”» [46, с. 94].

Кукол активно использовали в разнообразных ритуальных практиках. Без них не обходились ритуалы жизненного цикла и семейная обрядность, календарные обычаи и праздничные церемонии, а также обрядовые обходы, как регулярные, так и окказиональные. Куклы служили семейными и родовыми покровителями и т.п. При этом они выполняли разные функции, но чаще всего служили двойниками, аналогами человека, что считалось особенно важным в тех ритуальных ситуациях, которые завершались умерщвлением обрядового персонажа, его символической казнью или изгнанием [33, с. 117–190].

Проиллюстрируем сказанное примерами из ритуалов жизненного цикла, длительное время сохранявшихся в традиционной культуре обских угров. По воззрениям этого народа, первым этапом в жизни человека считается внутриутробный период. Для данного периода пожилая женщина, родственница, делала куклу-сос из кусочков чаги и с монетой в качестве лица; куклу освящали, украшали бисерными бусами, перевязывали нитью и посвящали духу Сянь («Мать»). Такая кукла обеспечивала связь между

М.Ф. Альбедиль,
А.Э. Жабрева
Молчаливый
двойник чело-
века, или Кук-
ла в истории
культуры

духом и еще не родившимся ребенком. По кукле гадали, хорошо ли развивается плод, благополучно ли доживет до родов будущая мать и т.п. Когда ребенок появлялся на свет, куклу-сос разбирали и все ее части использовали с магическими целями: ниткой перевязывали пуповину новорожденного, обмывали его раствором сожженной чаги, бисерные низки надевали на ручки в качестве оберега и т.д. Примечательно, что повитуха обряжала послед, как куклу, и в берестяной коробке уносила его за пределы селения [16, с. 11–12]. Период детства не обходился без игры в кукол, при этом у последних, как правило, не было лиц, чтобы в них не вселились духи [43, с. 62]. Взрослая жизнь протекала под покровительством духов — местных (родовых) и домашних (семейных), изображения которых делали из дерева, камня, металла, ткани и других материалов. Фактически это были те же куклы; у них оформлялись

лица, их обряжали в одежды. Духов-кукол хранили в особом месте (на чердаке или у дальней стены), веря в то, что они заботятся о благополучии семьи и здоровье ее членов, охраняют оленей стада и т.д. [16, с. 14–15]. Куклы не покидали и умершего человека. По традиционным воззрениям обских угров, душа вселялась в изображение человека после его смерти, поэтому изготавливалась *иттэрма* —местилище его реинкарнирующей души, одной из нескольких. Иттэрму мастерили из дерева или других материалов и почитали как предка-покровителя семьи [43, с. 150].

Таким образом, куклы не только сопровождали человека от рождения до смерти, но и «подготавливали» его приход в этот мир до начала жизни, а потом, в ее конце, провожали в мир иной, как бы существуя на грани двух миров.

Авторские куклы

В современной культуре кукла утратила многие из своих сокровенных смыслов (хотя и сберегла свою магию в восприятии отдельных людей). Но их сохранила авторская кукла: творец куклы действует как мифический демиург, из различных материалов создающий новое существо. Глину, из которой лепили первых людей древние боги, ныне заменяют современные полимерные материалы: пластик, супер-скалпей (Super Sculpey), паперклей (Paper Clay), цернит (Cernit) и многие другие. Они позволяют создать в домашних условиях любой пришедший в голову образ. Не забыты и традиционные материалы: дерево, папье-маше, текстиль. Конечно, придумывая куклу и делая образец, профессиональный художник на фабрике тоже вкладывает в них свою душу и представление о прекрасном, но при тиражировании, с упрощением технологии и удешевлением производства они часто теряются.

Авторские куклы в последние два десятилетия привлекают пристальное внимание отечественных исследователей [4; 26; 27; 28; 37]. Позволим себе рассказать об опыте создания кукол одного из авторов данной статьи — А.Э. Жабревой.

Работа над новой куклой начинается по-разному, но часто идею для работы дают изобразительные источники, особенно в тех случаях, когда идут их длительная обработка и осмысление для научной публикации. Создание куклы начинается с головы, бюста, рук и ног — видимых из-под одежды частей тела. Они лепятся из полимерных материалов и запекаются, затем шлифуются и раскрашиваются; туловище, как правило, делается текстильным набивным на крепком проволочном каркасе. Это таинство может продолжаться несколько дней, его удачное завершение — залог успешного выполнения всего намеченного плана. Роспись

М.Ф. Альбедиль,
А.Э. Жабрева
Молчаливый
двойник чело-
века, или Кук-
ла в истории
культуры

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

Изготовление куклы. Китай, 1950-е годы. Из фондов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

лица, прическа, костюм должны в идеале создать уменьшенного двойника человека избранной эпохи — абстрактного или сказочного персонажа, конкретную историческую личность. В создании образа большое значение имеют поза, наклон головы, положение пальцев рук, роспись и выражение лица, прическа, а иногда и цвет волос.

Существенную роль в создании образа эпохи играет костюм, поэтому чрезвычайно важен подбор тканей для его изготовления. Фактура, расцветка, масштаб раппорта узора должны «работать» на общую идею. Для кукол, представляющих древнерусских людей, подбираются атласные или шелковые ткани с мелким цветным узором, однотонный бархат. Европейцы XVI–XVII веков носят бархатные одежды, а галантные дамы и кавалеры XVIII столетия — нежный шелк, атлас и кружева. Поскольку не всегда удастся подобрать ткань нужной фактуры, приходится прибегать к таким ухищрениям, как подрисовка узора и дополнение его вышивкой бисером и пайетками, декорирование тесьмы, подкрашивание кружева и пр. По мере обретения материальной формы кукла получает и легенду — историю ее жизни. Расскажем о некоторых наиболее удачных, на наш взгляд, работах.

М.Ф. Альбедиль,
А.Э. Жабрева
Молчаливый
двойник чело-
века, или Кук-
ла в истории
культуры

А.Э. Жабрева. Кукла «Хозяйка Медной горы». 1992. Пластика, парча, атлас, бисер, блески, лепка, шитье, роспись; 41 см. Фото А.Г. Сергеева

Царевна Лебедь! Как могла выглядеть эта сказочная красавица из сказки А.С. Пушкина? Длинное платье, касающееся земли и придающее плавность походке; сказочный головной убор со звездой во лбу; по плечам спускается русая коса и «месяц под косой блестит». Старинный русский наряд — летник, сшитый из голубой и серебряной парчи, как нельзя более соответствует облику сказочной царевны. Его большие крылообразные рукава

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

напоминают о том, что совсем недавно красавица была заколдованной птицей. Так, в образе царевны или боярышни XVII века еще в 1990-е годы была сделана Царевна Лебедь. Через несколько лет появилась другая кукла — птица, превращающаяся в девушку. Этот процесс, очень простой с точки зрения поэта («встрепенулась, отряхнулась и царевной обернулась»), для самой волшебницы должен был быть непросто, а может быть, и мучителен, что и отразилось в изогнутой позе куклы, в незавершенности ее наряда.

Другие персонажи знаменитой пушкинской сказки: царь Салтан с царицей, красавец князь Гвидон, боярин, молодая боярыня с подносом, рында — телохранитель царя в форменном белом платье, а также Марья-царевна и Хозяйка Медной горы — демонстрируют богатство и разнообразие костюма русской знати XVII века, несколько стилизованного в соответствии со сказочным обликом каждого.

Изучение источников повлекло за собой интерес к историческим персонажам и более точному воспроизведению их костюмов. Так, знакомство с миниатюрами Лицевого Летописного свода — многотомной рукописной летописи времен Ивана Грозного — дало возможность понять, как могла выглядеть русская царевна или боярышня на выданье в XV–XVI веках. В этом возрасте она распускала завитые волосы, на голову надевала зубчатый венец; ее верхнее платье напоминало позднейшее царское платно, но было перехвачено в талии широким поясом. Так выглядит и наша великая княжна Елена Ивановна (работа 2018 года), которую собираются выдать замуж за польского князя Александра. Девушка в полном блеске молодости и красоты, но в трепетном ожидании своей неясной судьбы. Напряженный взгляд и коралловые четки выдают ее душевное состояние. Ее отец, великий князь Иван III Васильевич (работа 2019 года) предстал человеком средних лет, с небольшой бородкой и темными, слегка тронутыми сединой волосами. На нем длинная свита и наброшенный на плечи роскошный опашень с широким, по моде второй половины XV века отложным воротником округлой формы; на голове — княжеская шапка с меховой опушкой. Князь, то ли перед битвой, то ли перед дипломатическим приемом, смотрит вдаль, задумавшись о судьбах своей страны. Он впервые взял с собой сына, еще наивного подростка, которому в диковинку все происходящее.

Куклы знакомят не только с костюмом той или иной эпохи, но и с различными видами ремесел или рукоделий (прядение, ткачество, изготовление и украшение одежды). К примеру, одна из сценок показывает работу гончара, некоторые принадлежности этого ремесла и изготовленные керамические горшки, кувшины, миски, ручомойники. Композиция «На женской половине» представляет молодую мать в сарафане и кокошнике, вышивающую рубаху

М.Ф. Альбедиль,
А.Э. Жабрева
Молчаливый
двойник чело-
века, или Кук-
ла в истории
культуры

А.Э. Жабрева. Композиция «Великий князь Иван III с сыном». 2019. Лепка, роспись, шитье, пластика, текстиль, мех, фурнитура; 48х25 см. Фото С. Жабревой

и что-то объясняющую дочери, сидящей подле нее. Окружающие их предметы — лавка, покрытая вышитой дорожкой, укладка для украшений, мелкие швейные принадлежности и пр. — создают живую атмосферу старинного быта.

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

А.Э. Жабрева. Фрагмент композиции «На женской половине». 2001. Лепка, роспись, шитье, вышивка, чернит, текстиль, фурнитура; 32×30×11 см. Резная лавка выполнена Э.А. Жабревым. Фото А.Г. Сергеева

Состоящая из пяти персонажей композиция «Посещение Кунсткамеры императрицей Анной Иоанновной», была сделана в 1996 году по предложению Э.П. Карпеева, директора Музея М.В. Ломоносова¹, и передана в дар Музею. В работе отражен исторический факт — визит Анны Иоанновны в первый российский музей. Императрица представлена в сопровождении своего фаворита Э. Бирона, иностранного кавалера и карлика. Гостей приветствует склонившийся в поклоне директор Кунсткамеры и Библиотеки Императорской Академии наук И.Д. Шумахер. Два главных персонажа выполнены на основании сохранившихся портретов, костюмы соответствуют моде 1730-х годов.

Лишь одна из наших кукол изображает не человека, а куклу. Это Пандора² в роскошном платье на широких фижмах, шитом

¹ В настоящее время Отдел Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

² Названа именем знаменитой куклы — «законодательницы мод» в средневековой Франции; создавая новейшие наряды, портные использовали подобных кукол в качестве манекенов.

А.Э. Жабрева. Композиция из пяти кукол «Посещение Кунсткамеры императрицей Анной Иоанновной». 1996. Пластелин, пластика, текстиль, фурнитура, лепка, роспись, шитье; 25×60×25 см. Фото А.Э. Жабревой, 2006 (после завершения авторской реставрации)

М.Ф. Альбедиль,
А.Э. Жабрева
Молчаливый
двойник чело-
века, или Кук-
ла в истории
культуры

из серебряного глазета и алого атласа. По легенде, Пандора была прислана в Россию из самого Парижа в 1770-х годах и ее наряд был образцом придворного платья для великой княгини Марии Федоровны, супруги великого князя Павла Петровича. Именно такой куклы, вероятно, никогда не существовало, но две настоящие Пандоры последней трети XVIII века сохранились в музеях Московского Кремля и Гатчины, а подобный костюм изображен на портрете великой княгини работы шведского художника А. Рослина (1777, Эрмитаж). Кукла Пандора была создана нами в период увлечения неординарной личностью Марии Федоровны и изучения ее иконографии для подготовки ряда научных и творческих публикаций.

Не все так просто в создании кукол, как это может показаться с первого взгляда. Художник, полагающий себя демиургом, на деле часто оказывается исполнителем неведомой воли — будто бы магия куклы воздействует на своего творца. Дилемма: во что бы то ни стало осуществить свой замысел или поддаться капризам создаваемого существа — вот частое состояние мастера, взявшегося за работу над куклой. Вместо задуманных голубых глаз вдруг рисуются карие, отвергается белый парик, а к каштановым волосам уже не подходит приготовленный голубой материал,

■■■■■■■■■■
ОБРАЗЫ
ЧЕЛОВЕКА
■■■■■■■■■■

Фрагмент композиции «Пошла Муха на базар...». 2005–2016. На выставке авторских работ А.Э. Жабревой «Бенефис куклы» (Петербургский музей кукол, 14 ноября – 11 декабря 2016 года). Фото Д.С. Одинцова

Царевна Несмеяна не желает усаживаться в приготовленное ей кресло и плакать, молодому человеку хочется отрастить бороду и т.д. По-разному «вели» себя куклы в момент фотосессии: над установкой большинства фотографу пришлось изрядно потрудиться, а вот вышеописанная Пандора спокойно «вышла» на подиум и гордо замерла. Все это лишь подтверждает старинную мудрость об опасности наделять куклу глазами и таким образом «оживлять» ее.

Кстати, о глазах... Лет 15 назад родилась идея создания куколок, сочетающих в себе черты человека и насекомого. Она вылилась в большую композицию «Пошла Муха на базар...», состоящую из фигурок полулюдей-полунасекомых и лавок-магазинчиков. Образ получеловека-полунасекомого создавался с помощью больших полумасок, заменяющих глаза, усиков и хоботков, крылышек разных форм и размеров (маленькие крылышки Комарика-Гусара, средние — Мухи-Цокотухи, большие разноцветные — нескольких бабочек). В некоторых случаях крылышки приняли вид верхних одежд — накидок, фраков и редингетов. Условное время действия — 1820–1840-е годы, так называемое Пушкинское время, а место действия — Петербург, но не парадный, а обыденный. В торговых лавках — кондитерской, мелочной, книжной, мастерской дамских нарядов, аптеке — продается всякая всячина: от ведер и скалок до книг и картин, от булочек и горячего чая до самых модных шляпок; торговцы-разносчики расхаживают туда-сюда и громко нахваливают свой товар.

Напомним, что в первой трети XIX века иностранные художники с удовольствием зарисовывали сценки из жизни российской столицы, в которых в том числе присутствовали разносчики товаров. Эти сюжеты так и назывались — «Крики». Они-то и подали идею создания кукол, представляющих собой продавцов сладостей, овощей и фруктов, птицы, обуви, корзин, сена, дров и прочей всякой всячины.

Цвет и фактура ткани костюма очень важны, они говорят о социальном положении персонажа и характеризуют его как насекомого. Понятно, что кузнечик одет в зеленое, мухи — в серое и зеленое, шмель и пчела — в желто-черное, божьи коровки — в красное с точками. Комарик в образе лихого, но худосочного гусара заехал на базарную площадь верхом на коне. Кузнечик во фраке с длинными фалдами держит под мышкой настоящую миниатюрную скрипку и приветствует знакомых, снимая цилиндр. Облик элегантного петербуржца — майского жука в саржевых панталонах и блестящем жилете — дополняют модная прическа, усы и баки. Благородные мужчины-жуки одеты в сюртуки и фраки из бархата, на их головах — присущие эпохе высокие цилиндры, а дамы-бабочки — в модных шляпках-кибитках с большими полями. Бабушка Пчела получилась

М.Ф. Альбедиль,
А.Э. Жабрева
Молчаливый
двойник чело-
века, или Кук-
ла в истории
культуры

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

совсем старенькой, поэтому за своим любимым медом она выезжает на базар в креслице на колесиках. На ее плечах — не по сезону теплая меховая накидка, но если присмотреться к настоящей пчеле, то на ее спинке можно обнаружить такую же коричневую пушистость. Эти крылатые существа — явно из обеспеченных семей, они могут позволить себе новые наряды, игрушки, лакомства. Персонажи попроще одеты в ситцевые, саржевые, суконные одежды (кафтаны, свободные штаны, круглые обвисшие шляпы, платки и т.д.), которые отстают от моды.

Идет время, и куклы словно живут своей жизнью. Майский жук состарился и уже не ходит, а разъезжает по базару в коляске, ушла из жизни Бабочка-красавица с радужными крыльями, толстый Шмель, бывший когда-то владельцем антикварной лавки с ценным товаром вроде фарфоровых куколок, лошадок и картин, разорился и теперь ходит по базару, пытаясь продать оставшуюся картину³...

Сегодня авторская кукла, с трудом, но прочно занявшая нишу среди пространственных видов искусств, сильно зависит не только от внутреннего мира художника, но и от многих внешних факторов, в том числе от покупательского спроса. Она неоднородна и неоднозначна, красива и безобразна, часто агрессивна, что нередко является отражением современного беспокойного мира людей.

* * *

В современной культуре кукла не только выполняет свою прямую функцию, но и подспудно или явно сохраняет тот метафорический смысл, который был заложен в древнем архетипе двойничества и который ярко проявлялся в традиционных культурах, а сейчас оживает в авторских куклах, создаваемых современными мастерами-демиургами. Трудно не согласиться с Ю.М. Лотманом, который полагал, что кукла принадлежит к таким «коренным понятиям» в системе культуры, как «дом», «дорога», «хлеб», «порог» и т.д., и что она обладает исключительно серьезными и широкими возможностями в системе культуры [30, с. 646, 649]. Непреходящий интерес к кукле, выражающийся в нарастающем объеме научных и популярных публикаций, частном собирательстве, проведении различных выставок, обращении профессиональных и самодеятельных художников к созданию собственных произведений, доказывает непреходящую значимость двойника человека в жизни

³ Подробнее ознакомиться с этими и другими работами можно в социальной сети «ВКонтакте»: Авторские и этнографические куклы Анны Жабревой. URL: <https://vk.com/annazdolls>

последнего. Вероятно, поэтому кукла «обречена» не только неискоренимо принадлежать миру детства, но и оставаться неотъемлемым элементом «взрослой» культуры, открывая простор для выражения самых разнообразных живых проблем современной жизни.

Литература

1. Альбедиль М.Ф. Кукольная этнография // Теория моды: одежда, тело, культура. 2013. № 28. С. 349–353.
2. Альбедиль М.Ф. Миф и реальность. СПб.: Вектор, 2014.
3. Альбедиль М.Ф. Тайна куклы // Теория моды: одежда, тело, культура. 2010. № 16. С. 161–182.
4. Балеевских Ю.И., Жукова И.А. Анализ роста популярности авторской куклы в России и за рубежом // Вестн. молодых ученых С.-Петерб. гос. ун-та технологии и дизайна. 2016. № 4. С. 224–229.
5. Богораз-Тан В.Г. Чукчи. Т. 1. Л.: Ин-т народов Севера, 1934.
6. Гиппиус В.В. Люди и куклы в сатире Салтыкова // От Пушкина до Блока. М.; Л.: Наука, 1966. С. 295–330.
7. Голдовский Б.П. Куклы: энцикл. М.: Время, 2004.
8. Голубева Ю.О. Кукла в координатах индивидуально-психологического и социокультурного бытия: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2000.
9. Гребениčkова Л.Г. Основы куколотерапии. Галерея кукол. СПб.: Речь, 2007.
10. Греков А.У. Искусство западноевропейской игрушки. Сергиев Посад: Рус. фейерверк, 2006.
11. Жабрeва А.Э. Бумажные родственницы пандор // Теория моды: одежда, тело, культура. 2010. № 16. С. 210–219.
12. Жабрeва А.Э. Миниатюрные посланцы Германии в Санкт-Петербурге (сувенирные куклы в национальных костюмах из личной коллекции) // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. № 1. С. 284–292.
13. Жабрeва А.Э. Этнографические куклы второй половины XX в.: приобретение, реставрация, атрибуция // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2015. № 2. URL: <http://ce.if-mstuca.ru/index.php/2015-4/ethno-dolls> (дата обращения 10. 07. 2019).
14. Живая кукла: [сб. ст. по материалам конф., Ин-т высш. гуманитар. исслед. РГГУ, ноябрь 2002 г.] / сост. С.Ю. Неклюдов, Д.Н. Мамедова; ред. Е.Е. Жигарина. М.: РГГУ, 2009.
15. Змеева Е.О. Искусство куклы в России и Германии конца XIX – начала XX в.: художественные и культурно-исторические смыслы: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Яросл. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2006.
16. Золотарева Н.В. Антропоморфизация в традиционной культуре обских угров // Вестн. Томского ун-та. 2011. № 1(5). С. 11–17.
17. Иорданский Н.Н. Биогенетический закон // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.]. Т. 3. М.: Большая рос. энцикл., 2005. С. 486.
18. Гагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР. Л.: Наука, 1929. С. 152–195.
19. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Годовой цикл. М.: Наука, 1989.

М.Ф. Альбедиль,
А.Э. Жабрeва
Молчаливый
двойник чело-
века, или Кук-
ла в истории
культуры

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА

20. Карпова Т.Е. Феномен куклы в русской культуре: (историко-культурологические аспекты): автореф. дис. ... канд. культурологии / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 1999.

21. Кормина Ж.В. Проводы в армию в пореформенной России: опыт этнографического анализа. М.: НЛО, 2005.

22. Котова И.Н., Котова А.С. Русские обряды и традиции. Народная кукла. СПб.: Паритет, 2005.

23. Кукла Барби как разносчик анорексии, или Как передают от стремления похудеть // Человек. 2006. № 6. С. 131.

24. Куклы мира / вед. ред. Е. Ананьева; отв. ред. Т. Евсеева. М.: Аванта+, 2003. (Самые красивые и знаменитые).

25. Курочкина Н. Ольга. Принцесса и кукла // Антикварная кукла. 2017. Вып. 2(20). С. 24–29.

26. Лахина О.П. Обзор рынка авторской художественной куклы в России: Перспективы, тенденции, актуальные вопросы теории и практики // Вторые Бартрамовские чтения, Междунар. науч.-практ. конф. / Рос. акад. образования, Худож.-пед. музей игрушки; ред.-сост. А.У. Греков, Т.Н. Атюшева. Сергиев Посад, 2008. С. 50–55.

27. Лейдекер М.А. Современная авторская кукла: вопросы терминологии // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестн. МГХПА. 2015. № 1. С. 272–281.

28. Лопаткина Е.В. Авторская кукла конца XX – начала XXI века в России: история, типология, изобразительная специфика: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Рос. ин-т истории искусств. СПб., 2013.

29. Лопаткина Е.В. К вопросу о типах и видах кукол: генезис и особенности // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер.: История. 2008. № 2. С. 215–220.

30. Лотман Ю.М. Кукла в системе культуры // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 2005. С. 645–649.

31. Медведева И.Я., Шишова Т.Л. Дети, куклы и мы: руководство по куклотерапии. 2-е изд., испр. и доп. Рязань: Зёрна, 2014.

32. Мифы, предания, сказки хантов и манси: пер. с хант., манс., нем. яз. / сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной; под общ. ред. Е.С. Новик. М.: Наука, 1990.

33. Морозов И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре: кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. М.: Индрик, 2011.

34. Петрова М.А. Формирование эстетической культуры младших школьников в процессе художественно-творческой деятельности с куклами: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева. Чебоксары, 2001.

35. Платон. Законы // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / авт. вступ. ст.: А.Ф. Лосев. Т. 4. М.: Мысль, 1994.

36. Погорельский А. Двойник, или Мои вечера в Малороссии. М.: Книга, 1987.

37. Попова В.А., Бугров Р.В. Авторские куклы как феномен современного декоративно-прикладного искусства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопр. теории и практики. 2015. № 10-1(60). С. 145–149.

38. Романова А.В. Искусство куклы в контексте отечественной культуры второй половины XX века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / С.-Петерб. гуманит. ун-т профсоюзов. СПб., 2010.

39. Романова Л.Н. Формирование этнохудожественной культуры студентов художественных вузов в процессе изготовления авторской куклы в национальном костюме: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М.А. Шолохова. М., 2008.

40. Салтыков-Щедрин М.Е. Игрушечного дела людишки // Салтыков-Щедрин М.Е. Избр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1984. С. 74–100.
41. Самозванцев А.М. Мифология Востока. М.: Алетейя, 2000.
42. Соколова З.П. Изображения умерших у хантов и манси // Шаманизм и ранние религиозные представления. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995. С. 143–173.
43. Федорова Н.Н. Традиционная игрушка Обского Севера: куклы, олени. Синкретический характер игры и игрушки // Космос Севера: сб. науч. трудов / ред., сост. О. Лагунова. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2002. Вып. 3. С. 59–65.
44. Хайям О. Рубаи. Ташкент: ЦК КП Узбекистана, 1981.
45. Чернявский Ю.В. Божьи куклы: от фото Post mortem к реборну // Человек. 2015. № 5. С. 43–60.
46. Эстес К.П. Бегущая с волками: Женский архетип в мифах и сказаниях. Киев; М.: София, 2003.
47. Юрина Н. Куклы. М.: Слово/Slovo, 2002. (Что есть что).
48. Barbi: Doll Collector's Handbook / A.G. Mandeville, M. Davidson, P. Wardlow, G.R. Ruddell. Grantsville: Hobby House Press, Inc., 1997.
49. Croizat Y.C. "Living Dolls": François Ier Dresses his Women // Renaissance Quarterly. 2007. Vol. 60, N 1. P. 94–130. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1353/ren.2007.0027> (дата обращения: 10.07.2019).
50. Die Puppenstadt Mon Plaisir / text W. Leber, fotos K. Beyer. Leipzig: Edition Leipzig, 1965.
51. Fritzsel K.E. An Illustrated History of Toys. Leipzig: Hastings House, 1968.
52. Hercík E. Československé lidové hračky: kapitoly o hračkách od pravěku do naší doby. Praha: Výtvarné nakladatelství ORBIS, 1951.
53. Manson M. La poupée, objet de recherches pluridisciplinaires: Bilan, méthodes et perspectives // Histoire de l'Éducation. 1983. N 18. P. 1–27. URL: <https://www.jstor.org/stable/41158739> (дата обращения 10.07.2019).
54. My Twinn: Dolls, Matching Outfits and Accessories: [Catalog]. Breckenridge, [1998].
55. Pearson M., Mullins P.R. Domesticating Barbie: An Archaeology of Barbie Material Culture and Domestic Ideology // International Journal of Historical Archaeology. 1999. Vol. 3, N 4. P. 225–259. URL: <https://www.jstor.org/stable/20852937> (дата обращения 10.07.2019).
56. Poupée Françaises 1850–1940 / Musée de la Poupée; photographies G. Odin, texts S. Odin. P.: Musée de la Poupée, 1999.
57. Sonobe K., Kazuya S. Japanese Toys. Playing with History. Tokyo; Vermont: Bijutsu Shuppan-Sha; Charles E., 1965.

М.Ф. Альбедиль,
А.Э. Жабрева
Молчаливый
двойник чело-
века, или Кук-
ла в истории
культуры

The Silent Human Double, or the Doll in the History of Culture

Margarita F. Albedil'

DSc in History, Leading Researcher.

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography

(Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences.

3 University Embankment, St. Petersburg 199034, Russian Federation.

E-mail: albedil@inbox.ru

PhD in Pedagogy, Researcher,
Member of the St. Petersburg Union of Artists.
The Russian Academy of Science Library (St. Petersburg).
1 Birzhevaya Line, St. Petersburg 19034, Russian Federation.
E-mail: annazhabreva@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to a versatile phenomenon in the culture history — the doll, which embodies the ancient archetype of duality in its image. The duality is represented in ancient anthropogonic myths of almost all peoples of the world. The legends describe how the gods made dolls first, and then in different ways breathed life into them, turning them into people. This ancient mythological insight about the revival of a dead image and the line mobility between dead and the living was later continued in folklore, and also repeatedly reminded itself in various fields of culture, art and literature. In most magical practices, dolls have the role of silent, but effective human doubles; they were credited with both beneficial and harmful influence. In modern culture, the doll lost many of its innermost meanings, but the author's doll preserves them to a certain extent. The creator of the doll acts as a mythical demiurge, creating a new being from various materials. It isn't always possible to realize the author's intention; the magic of the doll affects its creator. Being inherent in the "root concepts" in the cultural system, the doll opens up space for expressing the most diverse living issues of modern life.

Keywords: doll, duality, mythology, demiurge, traditional cultures, magic, ritual, author's doll.

For citation: Albedil' M.F., Zhabreva A.E. The Silent Human Double, or the Doll in the History of Culture // Chelovek. 2020. Vol. 31, N 1. P. 155–184.

DOI: 10.31857/S023620070008751-3

References

1. Al'bedil' M.F. Kukol'naya etnografiya [Puppet Ethnography]. *Teoriya mody: odezhd, telo, kul'tura*. 2013. N 28. P. 349–353.
2. Al'bedil' M.F. *Mif i real'nost'* [Myth and Reality]. St. Petersburg: Vector Publ., 2014.
3. Al'bedil' M.F. Taina kukly [Dolls Mystery]. *Teoriya mody: odezhd, telo, kul'tura*. 2010. N 16. P. 161–182.
4. Baleevskikh Yu.I., Zhukova I.A. Analiz rosta populyarnosti avtorskoi kukly v Rossii i za rubezhom [Analysis of the Growing Popularity of Dolls in Russia and Abroad]. *Vestnik molodykh uchenykh S.-Peterb. gos. un-ta tekhnologii i dizaina*. 2016. N 4. P. 224–229.
5. Bogoraz-Tan V.G. *Chukchi* [Chukchi]. Vol. 1. Leningrad: Institute of the peoples of the North Publ., 1934.

6. Gippius V.V. Lyudi i kukly v satire Saltykova [People and Dolls in the Satire of Saltykov]. *Ot Pushkina do Bloka* [From Pushkin to Blok]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966. P. 295–330.

7. Goldovskii B.P. *Kukly: entsiklopediya* [Dolls: Encyclopedia]. Moscow: Vremya Publ., 2004.

8. Golubeva Yu.O. *Kukla v koordinatakh individual'no-psikhologicheskogo i sotsiokul'turnogo bytiya: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [A Doll in the Coordinates of an Individual Psychological and Sociocultural Being: Abstract of Diss. ... PhD in Philosophy]. Moscow: Peoples' Friendship Univ. of Russia Publ., 2000.

9. Grebenshchikova L.G. *Osnovy kukloterapii. Galereya kukol* [Basics of Puppet Therapy. Doll Gallery]. St. Petersburg: Rech' Publ., 2007.

10. Grekov A.U. *Iskusstvo zapadnoevropeiskoi igrushki* [The Art of Western European Toys]. Sergiev Posad: Rus. Feierverk Publ., 2006.

11. Zhabreva A.E. Bumazhnye rodstvennitsy pandor [Paper Pandor's Relatives]. *Teoriya mody: odezhd, telo, kul'tura*. 2010. N 16. P. 210–219.

12. Zhabreva A.E. Miniaturnye poslantsy Germanii v Sankt-Peterburge (suvenirnye kukly v natsional'nykh kostyumakh ikh lichnoi kolleksii) [Miniature German Ambassadors in St. Petersburg (Souvenir Dolls in National Costumes of their Personal Collection)]. *Ezhegodnik Mezhdunarodnoi assotsiatsii issledovatelei istorii i kul'tury rossiiskikh neme-tsev*. 2015. N 1. P. 284–292.

13. Zhabreva A.E. Etnograficheskie kukly vtoroi poloviny XX v.: priobretenie, restavratsiya, atributsiya [Ethnographic Dolls of the Attribution]. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk*. 2015. N 2. URL: <http://ce.if-mstuca.ru/index.php/2015-4/ethno-dolls> (date of access: 10.07.2019).

14. *Zhivaya kukla* [Living Doll], compil. by S.Yu. Neklyudov, D.N. Mamedova; ed. by E.E. Zhigarina. Moscow: RGGU Publ., 2009.

15. Zmeeva E.O. *Iskusstvo kukly v Rossii i Germanii kontsa XIX – nachala XX vv.: khudozhestvennye i kul'turno-istoricheskie smysly: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [Puppet Art in Russia and Germany at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century: Artistic, Cultural and Historical Meanings: Abstract of Diss. ... PhD in Art History]. Yaroslavl: Yaroslavl St. Pedagogical Univ. named after K.D. Ushinsky Publ., 2006.

16. Zolotareva N.V. Antropomorfizatsiya v traditsionnoi kul'ture obskikh ugrov [Anthropomorphization in the Traditional Culture of the Ob Ugrians]. *Vestnik Tomskogo un-ta*. 2011. N 1(5). P. 11–17.

17. Iordanskii N.N. Biogeneticheskii zakon [Biogenetic Law]. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]: [in 35 vol.]. Vol. 3. Moscow: Great Russian Encyclopedia Publ., 2005. P. 486.

18. Kagarov E.G. Sostav i proiskhozhdenie svadebnoi obryadnosti [Composition and Origin of the Wedding Ritual]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii Akademii nauk SSSR* [Collection of the Museum of Anthropologists and Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. Leningrad: Nauka Publ., 1929. P. 152–195.

19. *Kalendarnye obychai i obryady narodov Vostochnoi Azii: Godovoi tsikl* [Calendar Customs and Rites of the Peoples of East Asia: Annual Cycle]. Moscow: Nauka Publ., 1989.

20. Karpova T.E. *Fenomen kukly v russkoi kul'ture: (istoriko-kul'turologicheskie aspekty): avtoref. dis. ... kand. kul'turologii* [The Phenomenon of Dolls in Russian Culture: (Historical and Cultural Aspects): Abstract of Diss. ... PhD in Cultural Studies]. St. Petersburg: Herzen St. Pedagogical Univ. of Russia Publ., 1999.

21. Kormina Zh.V. *Provydy v armiyu v poreformennoi Rossii: opyt etnograficheskogo analiza* [Seeing off to Army in Post-reform Russia: Ethnographic Analysis Experience]. Moscow: NLO Publ., 2005.

М.Ф. Альбедиль,
А.Э. Жабрева
Молчаливый
двойник чело-
века, или Кук-
ла в истории
культуры

- 182

and Crafts]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: vopr. teorii i praktiki*. 2015. N 10-1(60). P. 145–149.

38. Romanova A.V. *Iskusstvo kukly v kontekste otechestvennoi kul'tury vtoroi poloviny XX veka: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [Doll Art in the Context of National Culture of the Second Half of the XX Century: Abstract of Diss. ... PhD in History. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. of Humanities and Social Sciences Publ., 2010.

39. Romanova L.N. *Formirovanie etnokhudozhestvennoi kul'tury studentov khudozhestvennykh vuzov v protsesse izgotovleniya avtorskoi kukly v natsional'nom kostyume: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [The Formation of Ethno-artistic Culture of Students of Art Universities in the Manufacturing Process of the Author's Doll in National Costume: Abstract of Diss. ... PhD in Pedagogics. Moscow: Moscow St. Univ. for Humanities named after M.A. Sholokhov Publ., 2008.

40. Saltykov-Shchedrin M.E. *Igrushechnogo dela lyudishki* [Toy Business People]. Saltykov-Shchedrin M.E. *Izbrannye sochineniya: v 2 t.* [Selected works: in 2 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1984. Vol. 2. P. 74–100.

41. Samozvantsev A.M. *Mifologiya Vostoka* [Mythology of the East]. Moscow: Aleteiya Publ., 2000.

42. Sokolova Z.P. *Izobrazheniya umershih i u khantov i mansi* [Images of the Dead and the Khanty and Mansi]. *Shamanizm i rannie religioznye predstavleniya* [Shamanism and Early Religious Beliefs]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences Publ., 1995. P. 143–173.

43. Fedorova N.N. *Traditsionnaya igrushka Obskogo Severa: kukly, oleni. Sinkreticheskiy kharakter igry i igrushek* [The Traditional Toy of the Ob North: Dolls, Deer. The Syncretic Nature of Games and Toys]. *Kosmos Severa: sbornik nauchnykh trudov* [Cosmos of the North: Collection of Scientific Proceedings], ed., compil. by O. Lagunova. Yekaterinburg: Middle Ural Book Publ. House, 2002. Iss. 3. P. 59–65.

44. Khaiyam O. *Rubai* [Rubai]. Tashkent: Central Committee of the Communist Party of Uzbekistan Publ., 1981.

45. Chernyavskii Yu.V. *Bozhi kukly: ot foto Post mortem k rebornu* [God's Dolls: from Post Mortem Photo to Reborn]. *Chelovek*. 2015. N 5. P. 43–60.

46. Estes K.P. *Begushchaya s volkami: Zhenskii arkhetyv v mifakh i skazaniyakh* [Running with the Wolves: Female Archetype in Myths and Legends]. Kiev; Moscow: Sofiya Publ., 2003.

47. Yurina N. *Kukly* [Dolls]. Moscow: Slovo/Slovo Publ., 2002. (Chto est' chto [What is what]).

48. *Barbi: Doll Collector's Handbook*, by A.G. Mandeville, M. Davidson, P. Wardlow, G.R. Ruddell. Grantsville: Hobby House Press, Inc., 1997.

49. Croizat Y.C. "Living Dolls": François Ier Dresses his Women. *Renaissance Quarterly*. 2007. Vol. 60, N 1. P. 94–130. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1353/ren.2007.0027> (date of access: 10.07.2019).

50. *Die Puppenstadt Mon Plaisir*, text W. Leber, fotos K. Beyer. Leipzig: Edition Leipzig, 1965.

51. Fritzel K.E. *An Illustrated History of Toys*. Leipzig: Hastings House, 1968.

52. Hercík E. *Československé lidové hračky: kapitoly o hračkách od pravěku do naší doby*. Praha: Výtvarné nakladatelství ORBIS, 1951.

53. Manson M. La poupée, objet de recherches pluridisciplinaires: Bilan, méthodes et perspectives. *Histoire de l'Éducation*. 1983. N 18. P. 1–27. URL: <https://www.jstor.org/stable/41158739> (date of access: 10.07.2019).

54. *My Twinn: Dolls, Matching Outfits and Accessories*: [Catalog]. Breckenridge, [1998].

М.Ф. Альбедиль,
А.Э. Жабрева
Молчаливый
двойник чело-
века, или Кук-
ла в истории
культуры

■■■■■■■■■■
**ОБРАЗЫ
ЧЕЛОВЕКА**
■■■■■■■■■■

55. Pearson M., Mullins P.R. Domesticating Barbie: An Archaeology of Barbie Material Culture and Domestic Ideology. *International Journal of Historical Archaeology*. 1999. Vol. 3, N 4. P. 225–259. URL: <https://www.jstor.org/stable/20852937> (date of access: 10.07.2019).

56. *Poupée Françaises 1850–1940*, Musée de la Poupée; photographies G. Odin, texts S. Odin. Paris: Musée de la Poupée, 1999.

57. Sonobe K., Kazuya S. *Japanese Toys. Playing with History*. Tokyo; Vermont: Bijutsu Shuppan-Sha, Charles E., 1965.